
Константин Глинченко
Император

Константин Глинченко

Император

«Автор»
2026

Глинченко К. В.

Император / К. В. Глинченко — «Автор», 2026

Эта история повествует о том, как зародились те королевства которые мы знаем по сей день. Как же появился тёмный легион, и как Император стал злым. Сможет ли Артур остановить своего брата, сможет ли мир остановить Императора?

© Глинченко К. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Переезд 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Константин Глинченко
Император

Глава 1: Переезд

Дым на западе стоял третий день.

Артур сидел на краю телеги, свесив ноги в пыль, и смотрел, как он растёт. Вчера это была узкая серая полоса, будто кто-то провёл углём по светлому утру. Сегодня дым расползся на полнеба, тяжёлый, с бурым исподом, и ветер нёс его через дорогу, так что на крупе лошади оседала серая пыль.

— Это Терновый Дол, — сказал Генрих.

Он сидел рядом, поджав колени, и держался за доску обеими руками. На голову ниже брата, острый подбородок, упрямая складка между бровей, которая появлялась у него всякий раз, когда он собирался сказать то, в чём не сомневался.

Артур посмотрел на дым.

— Может, это трава горит.

— Это Дол.

— Откуда ты знаешь?

— Ветер оттуда. — Генрих кивнул на запад. — И пахнет.

Пахло. Артур старался дышать ртом, но запах был повсюду: гарь, мокрое дерево и ещё что-то тяжёлое, мясное, от чего хотелось уткнуться лицом в рукав.

Возница, старик с рассечённой бровью, к ним не оборачивался. Он правил стоя, вожжи держал коротко, и через каждые сто шагов оглядывался на пустую дорогу позади.

— Отец сказал ждать его у мельницы, на повороте, — сказал Артур.

— Он сказал не оборачиваться.

— Он сказал, чтобы мы не оборачивались. А я и не оборачиваюсь. Я вперёд смотрю.

Генрих хмыкнул и снова вцепился в доску. У него на костяшках выступили белые пятна. Мешок с хлебом и сыром он держал между колен и прижимал локтями, будто кто-то мог отнять его прямо здесь, на дороге.

Копыта застучали, когда телега уже спускалась к броду. Возница дёрнул вожжи, лошадь встала, и из-за поворота вылетел всадник.

Отец был в кольчуге поверх рубахи, шлем висел на седельной луке, правый рукав прожжён до локтя, и на ткани темнела кайма. Конь под ним хрипел и мотал головой, бока ходили ходуном. Ральд осадил его у самой телеги, и лошадь возницы шарахнулась в сторону.

— Слезайте, — сказал он. — Оба.

Артур спрыгнул первым, подвернул ногу в пыли, выпрямился. Генрих слез медленнее, не выпуская мешка, и встал за братом, чуть сбоку, откуда было видно отца целиком.

Ральд снял с шеи шнурок, на котором висел волчий зуб в серебряной оправе, и надел его на Генриха. Шнурок оказался велик, зуб лёг на грудь ниже ключиц.

— Мать давала мне его перед тем, как ты родился, — сказал отец. — Носи. Он тёплый, пока жив хозяин. — Он усмехнулся одними губами. — Проверять будешь через год.

Генрих сжал зуб в кулаке и ничего не сказал. Складка между бровей у него не разошлась, а стала глубже.

Потом Ральд вытащил из-за пояса кинжал. Простые ножны, потёртая кожа, рукоять обмотана шнуром. Он вложил его Артуру в руки и сжал его пальцы поверх ножен.

— Остриё не трогай без нужды, — сказал он. — И не показывай никому. Дяде покажи.

— Ты вернёшься? — спросил Артур.

— К зиме.

— А если Дол не отобьёте?

Ральд посмотрел на запад, туда, где дым поднимался стеной и растворялся в небе. Лицо у него было чужое, как у человека, который уже видел то, о чём его спрашивают.

— Отобьём, — сказал он.

Он наклонился с седла и обнял их обоих сразу, одной рукой. Кольчуга была холодной и жёсткой, от отца пахло конским потом, дымом и железом. Артур успел почувствовать, как рука дрожит, и тут же всё кончилось: отец выпрямился, взял шлем с луки и надел его.

— Слушайте дядю, — сказал он. — Комрой мужик суровый, но справедливый. Книг у него больше, чем у покойного старосты, и все умные. Читайте. — Он поправил ремень. — Генрих, ты старшего слушайся. Артур, ты за брата отвечаешь.

— Я и так его слушаюсь, — сказал Генрих.

— Вот и хорошо.

Ральд ударил коня пятками. Тот пошёл боком, развернулся и понёсся прочь, поднимая за собой длинный шлейф пыли. У брода он не обернулся. Артур стоял и смотрел, пока всадник не стал пятном меньше ногтя, а потом и пятно пропало в серой мгле.

— Садитесь, — сказал возница. — Не ночевать же тут.

Артур залез в телегу. Генрих уже сидел на своём месте, и волчий зуб он всё ещё держал в кулаке.

— Он сказал, чтобы я тебя слушался, — проговорил он. — Значит, он думает, что ты умнее.

— Он так не думает. Он просто…

— Он думает, что ты умнее.

Артур смотрел, как дорога уходит назад. Терновый Дол был от них уже далеко, где-то в дыму, и всё, что от него оставалось, — вонь горелого и обещание вернуться к зиме.

В Ветлы приехали в сумерках, когда над рекой уже поднимался туман.

Деревня оказалась меньше Дола. Двенадцать дворов вдоль одной улицы, колодец с журавлём, за огородами косогор, поросший ольхой, и река, узкая и быстрая, с чёрной водой. Пахло тиной и дымом, но дым был свой, печной, ровный.

Дом дяди стоял на отшибе, последним, у самого косогора. Приземистый, вросший в землю по нижние венцы. Сбоку к нему лепилась пристройка без окон, с крепкой дверью на железной петле, и из-под этой двери наружу тянуло сухим теплом.

Комрой вышел на крыльцо с лампой в руке. Он был невысок, широк в плечах, с седой бородой, подстриженной короче, чем носили в Доле, и с руками, у которых суставы раздуло, как у старика, хотя лет ему было, наверное, побольше сорока, но меньше пятидесяти.

Он поднял лампу, посветил на телегу, на два мешка, на двух мальчиков.

— Живые, — сказал он. — Хорошо. Слезайте.

— Отец уехал в Дол, — сказал Артур. — Он велел вам кланяться.

— Кланяется, значит, — дядя хмыкнул. — А сам, что же. Верхом мимо проскакал и кланяется.

Он подождал, пока они слезут, и забрал у Генриха мешок, потому что тот не разжимал рук, но и нести его уже не мог.

— Идите в дом. Горшок на шестке, ложки на полке. Ешьте и ложитесь, постели на печи. Утром поговорим.

Вошли в дом. Внутри было теплее, чем снаружи, пахло кашей, травами и бумагой. Бумагой пахло сильнее всего. У дальней стены стояли три полки, на них книги, одна на другой, корешками кто вперёд, кто назад, а на столе под окном лежала раскрытая тетрадь и рядом огрызок свечи.

Каша была с салом. Генрих съел всё, до дна, и ещё вытер горбушкой. Артур ел медленнее, разглядывая полки.

— Книги можно? — спросил он.

— Книги можно, — ответил дядя из-за перегородки. — Книги ничего не стоят, пока их не тронули сальными руками.

Спать легли на печи, на тулупе. Генрих уснул сразу, как только голова коснулась подстилки, и волчий зуб так и остался у него в кулаке. Артур лежал с открытыми глазами и слушал, как внизу дядя ходит по половицам, потом гремит чем-то, потом садится, потом начинает скрипеть пером.

Скрип шёл долго, до самой темноты.

К зиме Артур перестал считать дни.

Работа в Ветлах нашлась сразу и на обоих. До света носить воду, колоть дрова, чистить хлев, где стояли две козы и корова, за огородом полоть, осенью копать, весной пахать за дядей, который шёл за плугом, будто не замечая, что рукоять уже не помещается в руку целиком.

Дядя не жалел их и не кричал. Если что-то было сделано плохо, он говорил: переделай. И стоял рядом, пока не будет переделано. Один раз Генрих, ругаясь сквозь зубы, колол сырое полено, которое разваливалось на волокна, а не на поленья, и дядя отобрал у него топор, расколол чурку одним ударом и положил топор обратно Генриху в руки, молча.

Вечерами Комрой садился к столу, зажигал свечу и раскрывал одну из книг. Мальчикам он велел садиться напротив.

— Буквы, — говорил он. — Что толку от головы, если её нечем набить.

Так они и учились. Читали вслух по очереди, спотыкаясь на длинных словах. Артур читал медленно и ровно, будто шёл по льду и боялся провалиться. Генрих читал быстро, проглатывал окончания и, когда ошибался, злился не на слово, а на себя, и начинал сначала, всё громче.

О войне в Ветлах говорили каждый день.

Слухи приходили с торговцами, с бродячими кузнецами, с беженцами, которые останавливались у колодца и просили воды. Говорили, что Даркнеф сжёг весь южный тракт. Что Бурн прислал на тот тракт три отряда, а вернулось полтора. Что король Аркнен…

— Король сидит в своей столице и держит в руках фиолетовые молнии, — перебил один из торговцев, — а нам тут умирать.

Комрой слушал эти разговоры молча, а потом уходил в пристройку и закрывал за собой дверь.

В конце зимы он уехал в уездный город, к писцу, за вестями. Его не было четыре дня. Вернулся он вечером, поставил лошадь в стойло, вошёл в дом, сел к столу и долго ничего не говорил.

— Что там? — спросил Артур.

— А то, что весной будет пахота, — сказал дядя. — Спите.

Он так и не сказал ничего ни в ту ночь, ни после. И Артур понял: писем от отца больше не будет.

Через три года Артур был выше дяди, а Генрих догнал Артура в плечах, но не в росте.

В Ветлах к ним привыкли, но не приняли. Сын кузнеца, веснушчатый и злой на язык, звал их пришлыми. Дети с улицы подхватили. Поначалу это было слово, как всякое другое, потом стало камнем, который кидают в спину.

В тот день они возвращались с реки с ведром мелкой рыбы. Сын кузнеца стоял на тропе с двумя приятелями и не отошёл.

— Пришлые, — сказал он. — И безотцовщина.

Артур поставил ведро.

— Отойди.

— А то что? Отец твой в Долу сгорел, все знают. Дядя твой книги читает, а корову доит как баба.

Артур ударил первым, и это было плохо, потому что он не умел драться. Сын кузнеца ударил в ответ, попал в скулу, и Артур сел в грязь. Дальше всё пошло быстро: Генрих с разбегу сбил сына кузнеца с ног, повалил и начал бить. Не по-мальчишески, не размахиваясь, а коротко и точно, целя в лицо, и остановился только когда приятели оттащили его за плечи.

Всё-таки остановился. Артуру потом казалось, что не остановился бы.

Вечером Комрой сидел за столом, а они стояли перед ним, оба с разбитыми лицами, и ждали.

— Кто начал? — спросил дядя.

— Он сказал, что отец сгорел, — ответил Артур.

— Он сказал правду или гадость?

— Гадость.

— А отец твой сгорел или нет, ты знаешь?

Артур молчал. Дядя перевёл взгляд на Генриха.

— А ты что делал?

— Бил.

— Зачем?

— Чтобы не говорил.

— Он больше не скажет, верно, — согласился Комрой. — Потому что боится. Только боится он теперь не тебя, а того, что ты опять не остановишься. — Он помолчал. — Драться — не грех. Грех — забыть, зачем начал.

Он встал, достал из шкафчика горшок с мазью, поставил на стол.

— Мажьте. Завтра с утра пойдёте к кузнецу и скажете: я ударил вашего сына, вот моя работа, чем платить. Он вам даст работу. — Дядя посмотрел на Генриха. — Двухнедельную.

Так и вышло. Две недели они носили кузнецу уголь и воду, и кузнец с ними не разговаривал, а сын его сидел на мешках с разбитой губой и смотрел в землю.

Магии дядя учил их по вечерам, после работы, когда руки уже не держали ничего тяжелее ложки.

— Смотри, — сказал он один раз, поставив на стол свечу. — Вот огонь. Он ест воздух и растёт. А теперь смотри сюда.

Он вытянул руку над свечой и медленно сжал пальцы. Пламя легло набок, будто от ветра, и погасло.

— Это не магия, — сказал Генрих. — Это ты дунул.

— Чем?

— Ртом.

— Рот у меня закрыт.

Генрих шагнул ближе, всмотрелся в дядину ладонь. На ней ничего не было, только старый шрам через большой палец.

— Магия не в пальцах, — сказал Комрой. — Она в том, что у тебя внутри и чего ты не видишь, как не видишь свой желудок. У одних она лежит тихо, как вода в колодце. У других кипит. Наш мир, Генрих, стоит на крови и на этой самой силе, и сила в нём пошла вразнос: один родится пустым, как горшок, другой — с огнём в груди, и никто не знает почему.

— А у нас она есть? — спросил Артур.

— У всех есть. Вопрос, сколько и какого сорта.

Он зажёг свечу снова, взял руку Артура и положил её над огнём, ладонью вниз, на безопасном расстоянии.

— Закрой глаза. Дыши. И слушай, где тепло не от свечи.

Артур сидел так, пока не заболело плечо. Тепло было везде: от свечи, от печи, от собственной крови. Где-то в глубине, под рёбрами, что-то отозвалось один раз и пропало, как рыба под водой.

— Ничего, — сказал он.

— В первый раз ничего у всех.

Генрих сел на его место, вытянул руку и замер. Он сидел очень долго, дольше брата, и лицо у него было такое, будто он спорит с кем-то невидимым и не собирается проигрывать.

— Тоже ничего, — сказал он наконец и убрал руку.

Дядя посмотрел на него, потом на свечу.

— Что ж. Значит, будем читать.

В ту ночь, когда все уснули, Генрих лежал с открытыми глазами.

— Артур, — позвал он.

— М.

— Почему у нас ничего нет?

— У нас есть дом.

— Я не про дом. Ранто был великий род, так? Дядя говорит, они держали половину Армелия. А мы живём в дыре, у нас две козы, и сын кузнеца называет нас пришлыми.

— Нас так называют, потому что мы пришли.

— Нас так называют, потому что мы никто, — сказал Генрих. — И это надо менять.

Артур повернулся на бок, к нему.

— И как ты это поменяешь?

— Не знаю. Но когда-нибудь.

Он сказал это очень спокойно, и от этого спокойствия Артуру стало не по себе сильнее, чем от драки у реки.

В ту зиму метель замела косогор по самую ольху, и три дня нельзя было выйти за околицу.

Дядя сидел у печи и чинил сеть, растянув её на коленях. Артур подкладывал дровам, Генрих строгал ложку из чурки, и стружка ложилась ему на штаны белыми завитками. Ветер бил в стену, и дом от этого казался меньше, чем был.

— Дядя, — сказал Генрих, не поднимая головы. — Мы Ранто?

Руки Комроя остановились. Он продел верёвку в ячейку, потянул, затянул узел и только потом ответил.

— Мы Индрис.

— Это что?

— Это клан. — Дядя отложил сеть. — Достань вон ту книгу, третью сверху, в синем переплёте. Только не за угол, за корешок.

Генрих принёс книгу. Она была старая, переплёт потрескался, и на первой странице кто-то нарисовал три круга, соединённые линиями.

— Смотрите, — сказал Комрой. Он развернул книгу на коленях. — Три рода. Ранто, Крайхн, Моргиусы. Они не были королями и не правили землями, как вы себе это представляете. Они были теми, кто держит. Когда-то давно весь Армелий стоял на них, и пока они стояли, войны были короткие: начались, поговорили, разошлись. — Он провёл пальцем по линии между кругами. — А потом началась та война. Её зовут великой, потому что после неё считать стало нечего.

— Из-за чего они воевали? — спросил Артур.

— Никто уже не скажет точно. Одни говорят, что Крайхн продали свои земли за золото и Моргиусы пришли за долгом. Другие говорят, что Ранто первыми подняли руку. — Дядя усмехнулся. — Знаешь, что самое страшное в этой истории? Что через двести лет никто не помнит, кто начал. Помнят только, что все друг друга предали, и каждый род считает себя пострадавшим.

— И кто победил?

— Никто.

Он закрыл книгу и положил на неё ладонь.

— Они дрались так, что выгорела земля от Тёмных гор до моря. Три года. Потом Ранто распался. Не сразу, не в один день: сначала старшие дома перестали здороваться, потом начали резать друг друга на дорогах, потом каждый объявил себя настоящим Ранто. И то же самое было у Крайхн, и то же самое у Моргиусов. Три рода превратились в три десятка кланов, и каждый держался за свой кусок имени, как пьяный за забор.

— А мы? — Генрих подался вперёд. — Откуда мы взялись?

— Мы — те, кто ушёл, — сказал Комрой. — Мой дед, а не мой отец. Тогда, в самом начале, когда только-только начали делить имя, в Ранто нашлись люди, которые сказали: не будем. Пусть другие рвут друг другу глотки, а мы уйдём и будем жить. Их было немного. Они назвали себя Индрис, что на старом языке значит «те, кто отпустил».

— Отпустил что? — не понял Артур.

— Всё. Власть, право называться великим родом, право мстить. — Дядя помолчал. — Мы ушли в предгорья и триста лет пахали землю и читали книги. И знаешь что? Мы единственные из Ранто, кто ещё жив целиком. Остальные до сих пор грызутся и ищут, кому предъявить счёт.

Генрих смотрел на три круга в книге.

— Значит, мы всё-таки Ранто.

— Мы Индрис, — твёрдо сказал дядя. — Запомни это, потому что за слово «Ранто» в этом королевстве убивают быстрее, чем за кошелёк.

Ветер ударил в стену, и огонь в печи лёг. Артур подбросил полено, и искры полетели на подтопок.

— Отец знал? — спросил он.

— Отец знал больше, чем я, — сказал Комрой. — Он всегда знал больше, чем говорил. И уехал он не только за Дол. — Он посмотрел на огонь, потом на них. — Больше не спрашивайте про отца. Не сегодня.

Он был уже старый, но в голосе у него тогда что-то такое скрипнуло, что Артур не стал спрашивать. Генрих тоже не стал. Он сидел и водил пальцем по кругам, будто запоминал их наизусть.

— В нашем роду бывают отмеченные, — сказал вдруг Комрой и тут же, как будто спохватился, махнул рукой. — Ладно. Поздно. Спите.

Артур хотел спросить, какие отмеченные, но дядя уже поднялся, задул свечу и ушёл за перегородку. И ночью, лёжа на печи, Артур слышал, как он там долго не спит и ворочается, а один раз ему показалось, что дядя сказал вслух, тихо, ни к кому: «Знал бы ты, мальчик, куда смотреть».

В школу их отдали через год, когда дядя продал двух коз и половину книг.

Коз он продал кузнецу, книги — торговцу, который ездил с товаром на север. Торговец долго перебирал их, откладывал, торговался, а дядя стоял рядом и смотрел, как из его полок вынимают то одну, то другую, и лицо у него было как в тот вечер, когда он вернулся из уезда.

— Зачем? — спросил тогда Артур. — Мы могли и дома читать.

— Дома вы читаете только меня, — сказал Комрой. — А в Гарне есть учитель, который умеет считать, писать и врать по-разному. Тебе это нужнее, чем ещё две козы.

В Гарн они ходили через косогор, восемь вёрст, и поначалу возвращались домой каждый день, а потом дядя договорился с вдовой писаря, и они стали жить у неё с осени до весны, в комнате за кухней, втроём с её сыном, который не разговаривал.

Школа помещалась в длинном каменном сарае, где раньше держали соль. Учитель, мастер Ольд, был худ, сутул и носил чёрный колпак, из-под которого торчали седые патлы.

Он учил считать, писать и закон Божий, и любил повторять, что из него выйдет либо писарь, либо ничего.

Денег у Ольда брали немного, а брали ещё меньше, чем обещали, потому что платить было некому.

К Артуру и Генриху прибились быстро. Деревенских тут было двое, остальные — дети мастеровых и лавочников, и между собой они делили не род, а улицу. Генриха невзлюбили за язык, Артура — за то, что он за брата вставал.

В тот день Ольд рассказывал про великую войну.

— Три рода, — говорил он, расхаживая между скамьями. — Ранто, Крайхн, Моргиусы. Жили, как разбойники в лесу: у кого сила, того и дорога. Брали пошлину с городов, снимали судей, ставили своих. А потом начали делить шкуру, и вот тут-то и выяснилось, кто чего стоит. — Он постучал палкой по полу. — Двести лет кровью залито. И всё из-за трёх жадных домов, которые решили, что им можно всё.

Генрих сидел на второй скамье и смотрел прямо перед собой.

— А Бурн? — спросил он.

— Что Бурн?

— Бурн тогда тоже был. И королевство стояло. Почему род, у которого была сила, считается жадным, а королевство, которое собирало ту же пошлину, нет?

Ольд остановился.

— Потому что королевство собирает по праву, а род собирал по силе.

— А право у королевства откуда?

В классе стало тихо. Мальчишка с первой скамьи, сын лавочника, хихикнул. Ольд подошёл к Генриху, наклонился над ним, так что колпак заслонил окно.

— Право, — сказал он негромко, — от Бога и от помазания. А у Ранто не было ни того, ни другого. У них была только кровь, и та вытекла.

— А если бы у них было право, они бы тогда не были жадными?

— Я сказал, что сказал, — отрезал Ольд. — Встань.

Генрих встал.

— Встань и ты, — Ольд кивнул Артуру. — Раз у вас такие вопросы, ответите оба. Кто такие Индрис?

Артур почувствовал, как у него холодеют пальцы.

— Клан, — сказал он.

— Клан чего?

— Клан Ранто.

— Один из двадцати шести, — сказал Ольд. — И самый трусливый. Они первые убежали с поля, когда поняли, что проигрывают. Так их и зовут: те, кто отпустил. Отпустили золото, земли и честь.

Генрих сделал шаг вперёд. Артур успел взять его за рукав и сжать.

— Мы оттуда, — сказал Артур.

В классе опять стало тихо.

Ольд посмотрел на него сверху вниз, и в глазах у него не было ни злости, ни насмешки, а было что-то более неприятное: понимание.

— Тогда садись, — сказал он. — И запомни: теперь ты знаешь, что о тебе говорят. Это полезнее, чем все книги твоего дяди.

После урока они шли через базар, и Генрих молчал до самого колодца.

— Он живой, — сказал он наконец.

— Кто?

— Ольд. Он живёт в этом городе, ест хлеб и учит детей. И говорит такое. — Генрих шёл, глядя под ноги, и голос у него был ровный, как у дяди. — Артур. Когда-нибудь он об этом пожалеет.

— За то, что сказал?

— За то, что сказал при мне.

Артур остановился.

— Генрих. Ты не должен так говорить.

— Почему?

— Потому что тогда ты станешь как он.

Генрих усмехнулся и пошёл дальше.

— Нет, — сказал он через плечо. — Тогда я стану кем-то, а он останется никем.

В школу они ходили ещё два года. Артур к концу знал счёт и письмо так, что Ольд давал ему проверять чужие работы. Генрих знал хуже и учился злее: он спорил на каждом уроке, копался в старых хрониках и один раз принёс Ольду выписку из городской книги, где пошлины времен Ранто оказались ниже королевских. Ольд выписку прочитал, положил в стол и с тех пор на его вопросы не отвечал вовсе.

За неделю до того, как Артуру исполнилось шестнадцать, в Гарн приехал глашатай.

Он встал на базарной площади, у позорного столба, развернул грамоту с вислой печатью и прочитал её так, что слышно было в конце улицы. Королевское военное училище в столице объявляло набор. В связи с положением на южных границах срок сокращён, возраст от пятнадцати, испытание — в уездных городах, комиссией.

— Обучение три года, — кричал глашатай. — По окончании — чин и распределение. Содержание сорок серебряных в год, для прошедших испытание с отличием — половина от казны.

Толпа начала расходиться, и в ней уже заспорили: сорок серебряных, это же три коровы. Глашатай свернул грамоту и пошёл в ратушу, а Генрих стоял и смотрел ему в спину, пока тот не скрылся за дверью.

— Пятнадцать, — сказал он. — Мне пятнадцать.

— Тебе пятнадцать через полгода.

— На испытании никто не будет считать месяцы.

Артур посмотрел на площадь. Торговка репой переставляла корзины, мальчишка катал обруч, у стены спал пьяный. Всё было как всегда, и от этого казалось странным, что где-то в столице открывают двери, за которыми их ждут.

— Пойдём, — сказал он. — Надо сказать дяде.

Дядя в тот вечер чинил крышу. Он спустился по лестнице, сел на нижнюю ступеньку, вытер руки о тряпку и выслушал их до конца, не перебивая.

— Испытание когда? — спросил он.

— Через месяц, — сказал Генрих. — Артуру уже будет шестнадцать.

— А тебе нет.

— Мне будет пятнадцать к началу учёбы.

Комрой посмотрел на него, и Генрих выдержал взгляд.

— А деньги? — спросил дядя.

Молчание.

— Сорок серебряных в год, — сказал Артур. — Но если с отличием, половину платит казна.

— А другую половину?

— Мы можем отработать.

— В училище не отрабатывают, — сказал Комрой. — В училище учатся и едят. За тебя платит кто-то другой, а ты потом три года служишь там, куда пошлют. — Он встал. — Сорок серебряных — это четыре года, как мы живём.

Он ушёл в дом, и они слышали, как он там гремит в шкафчике, потом как скрипит отодвигаемый сундук.

Вышел он со шкатулкой.

В шкатулке лежали монеты: немного, штук двадцать, и ещё старый перстень с тёмным камнем. Дядя высыпал монеты на стол и пересчитал дважды.

— Вот, — сказал он. — На дорогу, на первое полугодие за одного и на форму. На второго не хватит.

— Тогда я не поеду, — сказал Генрих.

— Поедешь, — сказал Артур.

— Не поеду.

— Генрих.

— Замолчи.

Комрой стукнул ладонью по столу так, что монеты подпрыгнули.

— Хватит. Я ещё не сказал, что решил.

Он собрал монеты обратно в шкатулку, поставил её на полку и долго молчал, глядя в окно, за которым темнел косогор.

— В столице писцовой конторе нужны счётчики, — сказал он наконец. — Я писал туда ещё в позапрошлом году, мне ответили, что место найдётся. Плата маленькая, но верная, и живут там при конторе.

— Ты не можешь, — сказал Артур. — У тебя руки.

— Руки у меня есть, — сказал дядя и показал их, будто в подтверждение. Пальцы у него не разгибались до конца, и он это знал, и Артур знал, что он знает.

— Значит, так, — сказал Комрой. — Я поеду в столицу. Ты, Артур, пойдёшь на испытание. Ты, Генрих, тоже пойдёшь.

— Я не…

— Пойдёшь, — сказал дядя, и в голосе у него было столько спокойствия, что Генрих закрыл рот. — Сдадите оба. Полугодие я оплачу. Дальше будет видно.

— А если не сдадим? — спросил Артур.

— Тогда вернётесь и будете пахать, — сказал Комрой. — Это не позор. Позор — сидеть и ждать, что за тебя кто-то решит.

В ту ночь они не спали. Лежали на печи и молчали, а потом Генрих сказал:

— Он из-за нас уезжает.

— Да.

— Он там умрёт. В этой конторе. За столом, над бумагами.

— Не говори так.

— Это правда, — сказал Генрих, и в голосе у него не было ни злости, ни жалости, а было только то, чему Артур так и не придумал названия.

Он повернулся к брату.

— Хочешь знать, что я думаю?

— Что?

— Что дядя прав. Позор — сидеть и ждать. — Артур положил руки под голову и смотрел в темноту над печью. — Мы пойдём туда. Сдадим. Выучимся. И тогда, может быть, никто больше не будет уезжать из своей деревни, чтобы заплатить за чужую учёбу.

Генрих долго не отвечал.

— Мир во всём мире, — сказал он наконец.

— Да.

— Это глупо звучит.

— Знаю.

— Но мне нравится, — сказал Генрих и отвернулся к стене.

Испытание держали в ратуше, в зале, где обычно судили должников.

Комиссия сидела за длинным столом: седой капитан с перебитым носом, писарь и человек в штатском, который ничего не говорил и всё записывал. На полу мелом был начерчен квадрат, у стены стояли два учебных меча, тупые, с обмотанными рукоятями.

Артур вошёл первым.

— Имя, — сказал писарь.

— Артур. Из Ветлов, деревня Комроя.

— Род?

Артур помедлил одно мгновение.

— Индрис.

Писарь поднял голову. Капитан посмотрел на него поверх стола и ничего не сказал.

— Читать умеешь? — спросил он.

— Умею. И считать.

Дали грамоту. Артур прочитал вслух, ровно, не сбившись на длинном слове про недоимки. Потом капитан назвал числа: сколько будет семнадцать на двадцать три, сколько останется от сорока, если вычесть трижды по девять. Артур отвечал, глядя в стену за спиной капитана, и слышал, как писарь скрипит пером.

— Через доску пройдёшь? — спросил капитан.

Доска лежала на двух табуретах, узкая, в три ладони. Артур прошёл её, не глядя вниз. Потом взял учебный меч и держал стойку, пока капитан не кивнул.

— Зачем тебе армия? — спросил капитан.

Артур подумал, что надо сказать про честь и короля, но сказал то, что думал.

— Чтобы войны кончились.

В зале стало тихо. Человек в штатском перестал писать.

— Все так говорят, — сказал капитан.

— Я не все.

— Это тоже все говорят.

Он махнул рукой, и Артур отошёл к стене. Сердце у него колотилось где-то в горле, и он понял, что руки у него вспотели только сейчас.

Потом вошёл Генрих.

Он читал хуже брата, спотыкаясь на длинных словах, зато считал быстрее, чем писарь успевал записывать. Через доску прошёл не глядя, будто она была шириной в дорогу. Меч взял так, как берут вещь, которую давно ждали.

— Зачем тебе армия? — спросил капитан.

— Чтобы дослужиться, — сказал Генрих.

Капитан хмыкнул.

— Честно. Только так никто не отвечает.

— Я отвечаю.

— Вижу. — Капитан повернулся к писарю. — Обоих. Второго с отличием, у него счёт лучше моего.

Писарь записал. Человек в штатском посмотрел на Генриха, потом на его запись, и что-то у себя подчеркнул.

Вышли на крыльцо. Солнце било в глаза, на площади кричали птицы и торговка репой, и Артур вдруг почувствовал, что у него подкашиваются ноги.

— Пятнадцать лет, — сказал Генрих. — А взяли.

— Ты с отличием.

— Я знаю.

Артур засмеялся. Генрих посмотрел на него и тоже усмехнулся, коротко, будто нехотя, и это было в первый раз за много лет.

Дядя уехал через три дня.

Собирался он недолго: сундук с бумагами, две рубахи, тетрадь, огрызок свечи. Всё это уместилось в один мешок, и мешок этот оказался таким маленьким, что Артур, глядя на него, почувствовал себя виноватым.

Перед отъездом Комрой открыл пристройку.

Внутри было сухо и пахло пылью и воском. Полки шли от стены до стены, и на них стояло то, что не продали: хроники, книги по счёту, травники и несколько вовсе без названий, в тёмной коже. На верстаке лежали перья, сургуч и медная печать размером с детский кулак.

Дядя поднял половицу у порога и достал из-под неё плоский железный ящик. В ящике лежали свёрнутые трубкой грамоты и та самая печать.

— Это всё, что осталось от рода, — сказал он. — Тут списки, кто от кого пошёл, на четыреста лет назад. Тут печать клана. — Он закрыл ящик и подал его Артуру. — Возьмёшь. Генриху не давай, он её в кармане носить будет.

— А ты?

— А я поеду писать чужие письма за деньги. — Комрой выпрямился, и суставы у него хрустнули. — Слушайте меня оба. В училище вы будете никем. Это хорошо. Там все никто. Не высовывайтесь и учитесь. И вот ещё что. — Он помолчал. — Никому не говорите про Ранто. Ни слова, ни намёка. Про Индрис можете, это пустое имя, его уже двести лет как забыли. А про Ранто забудьте до того дня, когда сможете за это слово постоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.